

УДК: 343(571)

Пенитенциарный рецидив как проявление множественной уголовной преступности в Восточной Сибири на рубеже XIX – XX столетий

А.А. Сысоев

Восточно-Сибирский институт МВД России, ул. Лермонтова 110, Иркутск, Россия
daosss1972@yandex.ru

Статья поступила 02.04.2019, принята 04.04.2019

Особенности реализации уголовно-исполнительной политики самодержавия в контексте освоения восточных окраин Российской империи оказали непосредственное влияние на социальный состав сибирского общества и детерминировали процессы профессионализации уголовной преступности. Одним из наиболее грозных проявлений этого феномена явилось распространение на территории региона крайне опасной формы множественности уголовной преступности – рецидива.

Ключевые слова: уголовная преступность; рецидив; пенитенциарная политика; Восточная Сибирь; уголовная ссылка; самодержавие; ссыльнопоселенцы; каторга; население; убийство; разбойное нападение.

Penitentiary relapse as a manifestation of multiple criminal offenses in Eastern Siberia at the turn of the XIX and XX centuries

A.A. Sysoyev

East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation; 110, Lermontov St.,
Irkutsk, Russia

daosss1972@yandex.ru

Received 2.04.2019, accepted 4.04.2019

The peculiarities of the implementation of the penal policy of the autocracy in the context of the development of the Eastern outskirts of the Russian Empire had a direct impact on the social composition of Siberian society and determined the processes of professionalization of criminal crime. One of the most dangerous manifestations of this phenomenon was the spread in the region of a very dangerous form of multiplicity of criminal crime – recidivism.

Keywords: criminality; recidivism; prison policy; Eastern Siberia; criminal reference; autocracy; prisoners; hard labor; population; murder; robbery.

Феномен множественности преступлений, совершенных одним лицом, ранее подвергавшимся уголовному наказанию, по мнению отечественных исследователей, «был известен еще в глубокой древности» [12, с. 663]. К началу XX столетия вопрос о рецидиве в криминологии являлся одним из центральных, а само явление признавалось юридическим критерием несправимости.

Развитие отечественного уголовного права неизменно сопровождалось совершенствованием методов борьбы с этим опасным социальным явлением. С 1842 г., по юридическим нормам Свода законов Российской империи, определялись две формы множественности преступлений, увеличивающих вину: стечение и повторение преступле-

ний [2; 24, с. 19]. При этом, по сведениям российского криминалиста Н.С. Таганцева, «наказание за повторение удваивалось, или присоединялось к новому наказанию прежнее, или же допускался переход и к высшему роду, причем иногда размеры усиления были весьма велики» [22, с. 158].

Вступившее в силу с 1 мая 1846 г. Уложение о наказаниях уголовных и исправительных выделяло рецидив преступлений как одну из четырех форм множественности преступлений. Совершение же впервые многократного рецидива преступлений признавалось более общественно опасным, чем совершение однократного рецидива преступлений [3; 23, с. 200].

Спустя полстолетия, с 1892 г., усиление уголовной ответственности при совершении того же или однородного преступного деяния могло последовать в течение 10 лет со времени первого правонарушения. Уголовное уложение, принятое 22 марта 1903 г., вводило такое тяжелое усиление уголовной ответственности за совершение многократно рецидива преступлений, как назначение каторги без срока.

Таким образом, последовательное совершенствование отечественного уголовного законодательства позволило к началу XX столетия идентифицировать рецидив как одно из самых опасных криминальных проявлений. При этом основной мерой противодействия множественности преступлений, совершенных одним лицом, являлось усиление санкций, крайними проявлениями которых выступало назначение каторги без срока. По единодушному мнению отечественных юристов, «преступники в Сибири с переменою места и среды должны были терять свои дурные склонности и становиться нравственнее» [26, с. 273].

Между тем, за более чем 300-летнюю практику уголовной ссылки самодержавие практически не изменило свою пенитенциарную политику. Планомерное наводнение имперских окраин наиболее опасными представителями российской общества без действенных инструментов корректирования их антиобщественного поведения вело к резкому повышению рецидивной преступности. Современники тех событий отмечали по этому поводу, что «вместо ограждения общества путем изолирования и перемещения преступников, ссылка способствовала возвращению преступников и наводнила Сибирь преступлениями, год от году увеличивающимися в невероятных размерах» [26, с. 300].

Уже в начале XIX столетия каторжные и ссыльнопоселенцы, отбывавшие наказание в Восточной Сибири, совершали на ее территории большую часть противоправных деяний. Составляя к 1833 г. лишь 1/23 часть от всего населения края [14], ссыльные совершили за год 699 преступлений, в то время как коренные жители нарушили закон лишь в 72-х случаях [19, с. 22].

Чрезвычайно высокая криминальная активность каторжан и ссыльнопоселенцев вынуждала власти к принятию самых жестоких мер. В 1832 г. Сибирский комитет, по представлению флигель-адъютанта Гогеля, рассматривал вопрос о применении к ссыльным смертной казни за тяжкие преступления. И хотя такое усиление ответственности было отвергнуто членами комитета, несколько месяцев спустя свой проект о наказании ссыльных за повторные преступления представил генерал-губернатор Восточной Сибири Александр Степанович Лавинский.

Ссылаясь на «безнаказанность наказания, которое по закону не могло быть им усилено, несмотря на повторение», начальник края настаивал на применении к ссыльным смертной казни [19, с. 110]. Записка А.С. Лавинского рассматривалась в специально утвержденном для этого Секретном комитете. В итоге генерал-губернатор получил право предавать преступников из ссыльных военному суду и на определенных основаниях применять к ним смертную казнь.

Свой не менее беспощадный вердикт выносило преступникам из ссыльных местное население, совершавшее самосуд. По свидетельству лидера сибирского областного движения Николая Михайловича Ядринцева, «масса беглых убивалась сибирскими крестьянами и инородцами по лесам, их просто стреляли, как зверя» [26, с. 189].

Однако современники тех событий утверждали, что даже такие жестокие «меры остались бесследными, и частые побег и усиленная преступность ссыльных продолжали по-прежнему вызывать жалобы местных и приезжих властей» [19, с. 31].

В результате к 1873 г. более половины всех противоправных деяний в Енисейской губернии совершалось неоднократно осужденными преступниками [26, с. 277].

По примерной оценке инспектора Главного тюремного управления Александра Петровича Соломона, в период с 1892 по 1896 гг. ссыльными всех категорий на территории Енисейской и Иркутской губерний было совершено в абсолютных цифрах 5 795 и 6 287 преступлений. При этом на каждые 100 ссыльных приходилось 11,3 преступления в Енисейской и 8,7 – в Иркутской губерниях [19, с. 301].

Со временем рецидивный характер преступности ссыльных претерпевал не только количественные, но и качественные изменения. Наибольшее распространение получали тяжкие виды преступных деяний. Так, Н.М. Ядринцев установил, что «по уголовным отчетам первое место по роду преступлений занимали смертоубийства, составляя 72 % от общего числа преступлений». При этом Николай Михайлович вполне обоснованно утверждал, что в Сибири «более 50 % самых тяжких преступлений совершалось ссыльными». Из 507 ссыльнопоселенцев и каторжан, осужденных за преступления в 1873 г. на территории Енисейской губернии, по сведениям ученого, в смертоубийствах обвинялось 135 человек, т. е. 26,7 % от общего числа осужденных. Второе и третье места занимали воровство и нанесение увечий – 21,1 и 19,5 % соответственно [26, с. 199].

Сложившееся положение усугублялось отсутствием действенной системы идентификации осужденных. По сведениям Михаила Михайлови-

ча Сперанского, «о многих из них в Сибири по утрате в пути бумаг или по недоставлению их не [было] известно ни рода преступления, ни наказания» [13, с. 5].

В XIX столетии вся информация о преступниках, следовавших к месту отбывания наказания, содержалась только в статейных списках. Помимо особых примет, документы хранили сведения о подробностях приговора, имевшихся судимостях, семейном положении и наличии личных вещей у осужденного. Фотографии и антропометрические данные как таковые отсутствовали в принципе.

Такая система регистрации существенно снижала возможность надзора за профессиональными преступниками и позволяла им уходить от уголовной ответственности еще в пути следования к месту отбывания наказания. Это характерное только для сибирской ссылки явление получило название «смена». Во время этапирования арестант каторжного разряда, предлагая определенное вознаграждение, менялся с осужденным за менее значительные преступления фамилией и, в соответствии со статейным списком своего визави, шел вместо каторги на поселение.

«Сущность же поселения заключалась в том, что поселенцев расписывают и разводят по волостям», — пояснял по этому поводу генерал-губернатор Восточной Сибири Дмитрий Гаврилович Анучин. Начальник края признавал в официальной переписке, что, «хотя законом регламентированы на этот предмет многочисленные правила, но они с самого их издания по неудобоприменимости и отсутствию надзора оставались по большей части мертвою буквою... Прибывая на место приписки, ссыльные, бывшие долгое время в тюремном заключении, получали полную свободу» [18, с. 109].

Таким образом, благодаря «смене» преступники, осужденные в Европейской России за тяжкие преступления к наиболее суровому наказанию — каторжным работам, получали в Сибири полную и фактически ничем не ограниченную свободу.

Характерным примером реализации такой возможности может служить криминальная карьера Семена Алексеевича Тарасова — особо опасного преступника-рецидивиста, совершившего в конце XIX столетия целую серию убийств и разбойных нападений.

Родился Тарасов (он же Алексеев, Федоров и Козлов) в 1853 г. в Астрахани. Благодаря высокому росту и атлетическому телосложению уже с юных лет был вовлечен в преступную деятельность. В 16-летнем возрасте Тарасов принял участие в хищении вещей и денег у астраханского губернатора Николая Николаевича Бишпена. Однако, несмотря на самое деятельное участие в преступле-

нии, от наказания был освобожден по несовершеннолетию.

Спустя 5 лет в Саратове Тарасов совершил ограбление и убийство доверенного астраханского купца. Опасного преступника изобличили в совершении этого тяжкого преступления и определили в 1875 г. приговором Саратовского окружного суда в каторжные работы на 17 лет.

С 1876 г. Тарасов содержался в Тобольской каторжной тюрьме. В 1877 г. участвовал в бунте, после чего в составе группы из 8 чел. совершил побег. Был пойман через 7 дней, после чего осужден за участие в бунте и побеге к бессрочным каторжным работам и 90 ударам плетью. Через некоторое время бежал повторно, спрятавшись в бочке с нечистотами. Задержан через 17 дней. За повторный побег Тарасова приговорили к бессрочным каторжным работам с 15-годичным сроком испытания и к 100 ударам плетью.

В 1883 г. по дороге в Карийскую каторжную тюрьму на этапе в Томске Тарасов за 15 р. поменялся с арестантом Федоровым фамилией. Как Федоров был отправлен на поселение в Еловскую волость Красноярского округа, откуда вскоре совершил побег.

Вновь Тарасова арестовали в Тюкалинске Тобольской губернии и осудили как бесписьменного бродягу в ссылку на поселение в Братскую волость Нижнеудинского округа.

В 1886 г. Семен Алексеевич нелегально прибыл в Иркутск, где попал в облаву и был задержан по подозрению в побеге с каторги. Находясь в Иркутском тюремном замке, он вновь совершил убийство. Был осужден под фамилией ссыльного поселенца Федорова за убийство к 15 годам каторжных работ.

Спустя три года Тарасов в очередной раз совершил побег с каторжных работ и, оказавшись в Иркутске, присоединился к одной из самых жестоких преступных групп того времени — банде Черевинского [16, с. 12].

Злоумышленники, сплотившиеся около беглого каторжного Эдуарда Макаровича Черевинского, имели своего осведомителя в полиции и вели себя крайне дерзко. Большая часть нападений, совершаемых бандой, сопровождалась убийствами. Преступники не щадили ни женщин, ни малолетних детей.

Свое последнее преступление банда совершила 21 ноября 1889 г. Утром злоумышленники напали на дом Соколовой, располагавшийся на ул. 3-й Солдатской. За несколько дней до происшествия Черевинский снял у Соколовой комнату для своей любовницы Людмилы Сухановой, поэтому в дом преступники вошли беспрепятственно. Тарасов сразу же ударил по голове стряпуху Марию Бахматову и, посчитав ее мертвой, стащил в подполье.

Затем злоумышленник убил Людмилу Суханову, ее 5-летнего сына Михаила и кучера Соколовой Филиппа Ананьина [21, с. 3].

Преступление получило большой общественный резонанс. К его раскрытию привлекли лучшего иркутского сыщика — пристава 3-й полицейской части Николая Дмитриевича Добронравова. В результате энергичных розысков большую часть злоумышленников задержали по горячим следам. Полицейские чиновники изобличили в связях с бандитами своего агента, сапожника Е. Букова. Были найдены и изъяты похищенные преступниками вещи. 12 января 1890 г. в Нижнеудинском округе пристав Н.Д. Добронравов задержал организатора преступной группы Черевинского, проживавшего там по подложному паспорту на имя крестьянина Петрова [5, л. 36].

2 мая 1890 г. военно-окружной суд приступил к разбирательству дела о банде житомирского мещанина Э.М. Черевинского, занимавшейся в Иркутске убийствами и вооруженными грабежами. Для дачи свидетельских показаний привлекли 110 чел. К смертной казни через повешение были осуждены сам Эдуард Черевинский и его ближайшие подручные, ссыльнопоселенцы Иван Лебедев, Егор Буков и Михаил Слепак. Остальных членов банды — Елизавету Лебедеву, Инду Фельдман, Николая Кайгородова, Андрея Башкирова, Родиона Тумбова, Игнатия Ботихотова приговорили к каторжным работам [17, с. 218].

Только один из самых активных участников банды, С.А. Тарасов, отсутствовал на скамье подсудимых. Преступнику-рецидивисту удалось не только избежать заслуженного наказания, но и легализовать свое пребывание в Томске по документам мещанина Козлова.

В столице Западной Сибири Тарасов организовал преступную группу, в составе которой совершил несколько разбойных нападений. Во время одного из них, когда бандиты грабили семью Щербаковых, он лично убил троих человек. В 1891 г. под фамилией Козлова преступника осудили. из 680» [25, с. 29]. Только с 1827 по 1846 гг., по сведениям Тобольского приказа, в Сибирь было повторно возвращено 18 328 беглецов.

К 1859 г. во всех Нерчинских заводах числилось невозвращенных беглокаторжных 3 104 чел. От 45 до 90,5 % каторжных, как установил Н.М. Ядринцев, бежало с Иркутского солеваренного завода в 1860–70 гг. В 1872 г., по сведениям того же автора, из 110 каторжных Усть-Кутского завода бежало 56 [26, с. 262].

В среднем, по подсчетам чиновника министерства юстиции Дмитрия Андреевича Дриля, «каждые десять лет со всех заводов [Восточной Сибири] бежало более 12 929 чел» [6].

дили за тройное убийство к «каторжным работам без срока с бессрочным испытанием с прикованием к тачке на 3 года» [16, с. 12].

Возможно, при благоприятном стечении обстоятельств Тарасову удалось бы в очередной раз бежать и продолжить преступную деятельность, однако в марте 1891 г. в его судьбе была поставлена точка. Пристав Н.Д. Добронравов сумел разыскать рецидивиста в Томской пересыльной тюрьме. Особо опасного преступника препроводили под строгим надзором в Иркутский тюремный замок, где по решению военно-окружного суда 5 октября 1891 г. казнили через повешение [7, с. 4].

Многочисленные перипетии криминальной карьеры С.А. Тарасова наглядно демонстрируют масштабы распространения в Восточной Сибири особой формы множественности преступлений, совершаемых еще при отбывании наказания — пенитенциарного рецидива.

Побеги из мест заключения как особый вид преступных деяний сопутствовали сибирской ссылке с момента ее появления и не представлялись современникам тех событий экстраординарным явлением. Однако уже с начала XIX столетия, благодаря особенностям реализации уголовно-исполнительной политики самодержавия, преступления данной направленности приобрели массовый характер. Нередким явлением становилось и неоднократное совершение побегов одним и тем же осужденным. Так, Н.М. Ядринцев приводит данные о 75-летнем старике, бежавшем с каторги 18 раз [25, с. 372]. Со временем в Восточной Сибири появилась даже особая категория преступников, систематически совершавших побег, которых называли «варнаками» или «чалдонами» [11, с. 174].

О «бесперывных побегегах ссыльных» в 1833 г. докладывал генерал-губернатор А.С. Лавинский [19, с. 30]. По данным А.П. Соломона, «в Енисейской губернии с 1828 по 1833 гг. в бегах с Каменского винокуренного завода, где всех рабочих 285, было 259 чел., а с Троицкого солеваренного — 290

Всего же, как утверждают отечественные исследователи, к концу XIX столетия в «безвестной отлучке» на территории Восточной Сибири числилось не менее 32 % (45 610 чел.) от общего числа всех категорий отбывавших наказание [10, с. 12].

Решающим образом многочисленности побегов способствовали несовершенная система регистрации преступников, особенности их конвоирования и содержания в местах отбывания наказания.

Вплоть до появления Великого сибирского пути препровождение осужденных по территории Восточной Сибири осуществлялось лишь в пешеходном порядке. При этом только в Иркутской губернии насчитывалось 28 этапов, протяжен-

ность пути между каждым из которых варьировалась от 20 до 40 верст.

Конвоировали ссыльных в начале XIX столетия башкиры и мещеры — люди, по оценке М.М. Сперанского, «развратнейшие, нежели колодники» [3, с. 231]. Затем, начиная с 1810 г., охрана колодничьих партий стала возлагаться на казаков гражданского ведомства [1, с. 151].

Процесс этапирования осужденных регламентировался «Уставом о ссыльных» и «Уставом об этапах в сибирских губерниях» [15]. Однако, по мнению современников, «препровождение ссыльных, несмотря на строгие и точные указания Сената, производилось с величайшими беспорядками... Это давало им возможность к побегам и буйствам» [3, с.221].

«Толпу колодников отправляли, обыкновенно, из какой-нибудь губернской канцелярии в сопровождении немногих и притом плохо вооруженных конвоиров», — отмечал Николай Евгеньевич Анучин. В результате, по сведениям автора, «арестанты нередко разбегались по дороге и составляли целые разбойничьи шайки» [8, с. 9].

На чрезвычайную ненадежность пешего сопровождения ссыльных указывал и Н.М. Ядринцев. «Бегства из Сибири начинаются уже из ссыльных партий... известно, что при пешей пересылке всегда оказывалось 15 % беглых», — сообщал в своих исследованиях Николай Михайлович [26, с. 260].

Сложившееся положение дел не изменилось и в начале XX в. Отчеты военных губернаторов Восточной Сибири, датированные первым его десятилетием, сообщают о том, что «случаи побегов арестантов на дорожных трактах чрезвычайно часты и носят характер явления хронического, как бы даже обязательного... Не проходит ни одного случая пересылки арестантов без того, чтобы некоторая часть их не бежала» [4, л. 2].

В городах и на этапах, где ссыльные партии останавливались для отдыха, их охрана также не обеспечивалась должным образом. Крайне низкие профессиональные качества караульных и неудовлетворительное состояние помещений для временного содержания осужденных детерминировали их повышенную криминальную активность.

В одних случаях совершались массовые побеги, подобные происшествию на станции Удинская Вершина, где, по сведениям О.Н. Катионова, «в августе 1827 г. партия из 57 каторжных, следовавшая к Нерчинским горным заводам, во время ночлега произвела разбой, выломав двери, напала на караульных бурят и казаков, отняла у них оружие и, захватив со станции 25 лошадей, отправилась по тракту к Шакшинской станции» [9, с. 372].

В других случаях осужденные склоняли на свою сторону гарнизонную стражу и выходили из-под охраны для совершения преступлений. «Один из таких случаев в Чите, — писал известный публицист С.В. Максимов, — сделался известным даже в Петербурге. Тамошние гарнизонные солдаты не только выпускали на ночь арестантов, но и сами ходили с ними на грабеж в город и соседние селения. Перед рассветом аккуратно возвращались: одни на часы, другие в заточение» [12, с. 65].

Между тем, те, кого все таки удавалось доставить к месту отбывания наказания, получали еще большие возможности к совершению противоправных деяний. «На приисках и заводах, после тяжелых дневных работ предоставленные сами себе, арестанты в казармах жили пьяно, распутно, часто затевали кровавые драки, страшно воровали», — констатировали чиновники министерства юстиции [6, с. 11].

Побеги с каторги существенно превосходили по своим масштабам бегство преступников во время их пешего этапирования. Помимо массы одиночных попыток избежать наказания, практиковались и групповые, когда заключенные разоружали охрану и бежали, как тогда было принято говорить, «целым огулом на уру». Наибольшее количество таких происшествий фиксировалось в Иркутском солеваренном, Дучарском сереброплавильном и Петровском железоделательном заводах.

В некоторых случаях администрация каторжных заводов, не имея возможности препятствовать уходу осужденных, прибегала к своеобразной экономии казенного имущества. Н.М. Ядринцев описывает эпизод, в котором начальник завода при приеме партии каторжных выкрикивал: «Кто хочет оставаться, получай одежду, а кто в бега, тому незачем» [26, с. 270].

Явная недостаточность средств на содержание заключенных приводила к парадоксам, когда отсутствовали даже специальные помещения тюремного типа. Так, в 1873 г. значительное количество побегов каторжных из Иркутского и Усть-Кутского солеваренных заводов объяснялась тюремными чиновниками тем, что «каторжане содержатся частью в квартирах, частью в казармах по неимению тюрем» [26, с. 270].

Интегрированные временем и сибирской действительностью в единую систему недостатки, сопутствовавшие препровождению и содержанию осужденных преступников, послужили основой для возникновения своеобразного замкнутого цикла, где, как утверждал Н.М. Ядринцев, «побеги ссыльных с заводов в бродяжничество и ссылка их обратно на заводы для того, чтобы снова выпус-

тить их с этих заводов, составляли вечный круговорот ссылки» [25, с. 618].

Результатом появления такого круговорота преступности являлась множественность ее проявлений. Основными субъектами рецидива выступали уже неоднократно осужденные преступники, профессионализм которых напрямую зависел от количества совершенных противоправных деяний и в специфических условиях Восточной Сибири существенно превышал аналогичный показатель Европейской России. Объектом рецидивной преступности служили общественная безопасность и порядок государственного управления в пенитенциарной сфере.

Уголовная статистика наглядно демонстрировала, что именно в сибирских условиях наблюдались проявления рецидивной преступности самого тяжелого характера. Осужденные за убийства и разбои к многолетним и бессрочным каторжным работам преступники не видели иной альтернативы для своего существования и вновь шли на совершение самых тяжких правонарушений.

Относительно Восточной Сибири можно говорить о массовых проявлениях такого специального вида множественной преступности, как пенитенциарный рецидив. Основой для возникновения и распространения последнего служила окраинная политика самодержавия, ориентированная на штрафную колонизацию края посредством уголовной ссылки.

Таким образом, стремление властей противодействовать проявлениям опасного и особо опасного рецидива уголовных преступлений в центральных областях вело к стремительному его возрастанию и специализации на восточных окраинах. При этом усиление санкций для преступников-рецидивистов в виде осуждения на каторгу без срока только детерминировало их дальнейшую противоправную деятельность, тем самым неумолимо снижая личную и имущественную безопасность сибирского населения.

Литература

1. Брокгауз Ф.А., Ефрон И.Е. Резонанс и резонаторы. Роза ди-Тиволи // Энциклопедический словарь. СПб., 1900. Т. (52).
2. Шкредова Э.Г. Множественность преступлений (исторический аспект). М.: Юрлитинформ, 2011. 184 с.
3. Таганцев Н.С. О повторении преступлений: исследование // Журнал Министерства юстиции. 1867. С. 296.
4. Чистякова О.И. Российское законодательство XIX-XV ввек. Т. 6. М.: Юрид. литература, 1996. 432 с.
5. Ядринцев Н.М. Русская община в тюрьме и ссылке: исследования и наблюдения над жизнью тюремных, ссыльных и бродяжеских общин. СПб.: Тип. А. Моригеровского, 1872. 720 с.

6. Соломон А.П. Ссылка в Сибирь: Очерк ее истории и современного положения. Для Высочайше учрежденной комиссии о мероприятиях по отмене ссылки. СПб.: Тип. С.-Петербур. тюрьмы, 1900. 392 с.

7. Прутченко С. Сибирские окраины. Областные установления, связанные с Сибирским учреждением 1822 г. в строе управление русского государства. СПб., 1899. Прил. № 1.

8. Сборник главнейших официальных документов по управлению Восточной Сибирью: издается по распоряжению Генерал-Губернатора Восточной Сибири Д. Г. Анучина. Иркутск: тип. Штаба Вост.-Сиб. воен. округа, 1884. Т. 1, Вып. 1.

9. Разбойник Семен Алексеевич Тарасов // Восточное обозрение. 1891. № 50. 12 с.

10. Судебная хроника // Восточное обозрение. 1896. № 9. С. 3.

11. ГАИО (Гос. арх. Иркутской обл.). Ф. 91. Оп. 1. Д. 1592.

12. Романов Н.С. Летопись города Иркутска за 1881-1901 гг. (изд. подготовлено Н.В. Куликаускене). Иркутск, 1993. 544 с.

13. Из залы военно-окружного суда // Восточное обозрение. 1891. № 38. 4 с.

14. Ядринцев Н.М. Сибирь, как колония в географическом, этнографическом и историческом отношении. М.: Книга по требованию, 2012. 471 с.

15. Рубцов С.Н., Сысоев А.А. Уголовный сыск на территории Восточной Сибири: моногр. 2-е изд., испр., доп. Красноярск: Ин-т естественных и гуманитар. наук Сиб. федер. ун-та, 2007. 18 с.

16. Максимов С.В. Каторга империи. М.: ЭКСМО-Пресс, 2002. 480 с.

17. Дриль Д.А. Ссылка во Франции и России. Из личных наблюдений во время поездки в новую Каледонию, на о. Сахалин, в Приамурский край и Сибирь. СПб., 1899. 174 с.

18. Марголис А.Д. О численности и размещении ссыльных в Сибири конца XIX в. // Ссылка и каторга в Сибири XVIII начала XX вв.: сб. науч. ст. Новосибирск, 1975. 231 с.

19. Вагин В.И. Исторические сведения о деятельности графа М.М. Сперанского в Сибири с 1819 по 1822 г. Т. 1. СПб.: [б.и.], 1872. 801 с.

20. Статистические сведения о ссыльных в Сибири, за 1833 и 1834 годы (Извлечение из отчета о делах Сибирского Комитета). СПб.: Тип. II отд-я Собственной Е.И.В. Канцелярии, 1837.

21. Полн. собрание законов Российской империи. 1822-1823. Т. 38. № 29128; № 29129.

22. Анучин Е.Н. Исследования о проценте сосланных в Сибирь в период 1827-1846 годов: материалы для уголовной статистики России. СПб.: Тип. Майкова, 1873. 243 с.

23. ГАЗК (Гос. арх. Забайкальского края). Ф. 26. Оп. 1. Д. 296.

24. Катионов О.Н. Московско-Сибирский тракт и его жители в XVII-XIX вв. Новосибирск: Новосиб. гос. пед. ун-т, 2004. 567 с.

25. Максимов С.В. Сибирь и каторга. В 3 ч. СПб.: Тип. А. Траншеля, 1871. Ч. I. 363 с.